

Тетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 1 2021]

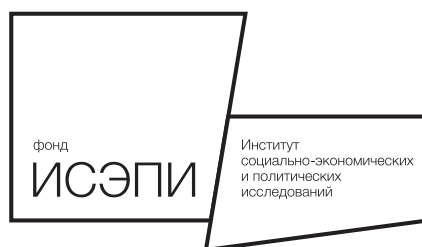
*Русское:
откровение
сокровенного*

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

ДЪМАНАХ

[Февраль 2021 г.]

Русское: откровение сокровенного

{ Февраль 2021 г. }

Цетради

по консерватизму

[№ 1 2021 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2021

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет

Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянц, А.В. Ципков.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 1. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2021. – 376 с.

Принципиальное отличие консерватизма от противостоящих ему двух других идеологических систем – либерализма и социализма – заключается в том, что он видит в человеке прежде всего существо духовное. А значит в основе жизнедеятельности человека, способа его постижения мира, душевных стремлений и жизненной цели, согласно консервативному мировоззрению, лежит Культура. Культура как сфера реализации духовных ценностей конкретного народа, образующих тот самый уникальный национально-культурный код, чья неповторимость делает каждое подобное историческое сообщество единственным и самобытным. Многообразие этих уникальностей составляет цветущую сложность всего человечества, являясь ресурсом его выживания и развития. Поэтому культурные самобытности, согласно консервативному мировоззрению, подлежат защите как высшие ценности, как отражение судьбы народов в их ретроспективе и перспективе. Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» посвящен Великой русской культуре, в которой нашли отражение обостренные духовные искания и особая цивилизационная судьба России.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах “Тетради по консерватизму”», 2021
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2021

Л.В. Поляков
Слово к читателю
9

Раздел первый

Русский взгляд: икона – живопись – умосозерцание

В.Ю. Даренский
Иконичность русской культуры
13

Е.В. Ковалева
Е.Н. Трубецкой о взаимоотношениях сакрального и эстетического
в древнерусской иконописи
34

А.Г. Рукавишников
Е.Н. Трубецкой и его эстетический анализ феномена православной иконы
41

Ф.И. Гиренок
Илья Репин: миф о русском мужике
49

С.М. Санькова,
Образ православного духовенства в русской бытовой живописи XIX – первой
половины XX века
54

В.Т. Захарова
Русская религиозная философия и живопись Серебряного века
в аспекте идеи созерцания
68

Н.Н. Ростова
Василий Polenov: разговор с душой
75

Ф.И. Гиренок
Апокалиптическое сознание в русской культуре
84

Н.Н. Ростова
Куинджи: светоносность русской культуры
90

Б.А. Прокудин, А.Б. Прокудин
«Троичное» сознание в русском мировидении
98

Раздел второй

Русское слово: опыт укоренения в Бытии

С.В. Перевезенцев
«Правду во царство свое введешь...»
Образ «истинного христианского царства» в русских духовно-политических
сочинениях середины XVI века
123

С.В. Зеленин
Кондратий Рылеев: поэт и заговорщик.
Консервативный взгляд
157

А.Ю. Минаков
А.С. Пушкин как консервативный мыслитель
223

Ю.В. Пущаев
Достоевский как петрашевец: был ли молодой Достоевский революционером?
229

В.Ю. Даренский
Символика двойника как исток художественной антропологии Ф.М. Достоевского
245

И.В. Логвинова
Красота как мера духовности в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»
257

В.Т. Захарова
Онтологическое восприятие действительности в прозе рубежа XIX–XX веков
(А.П. Чехов, И.А. Бунин)
263

Раздел третий

Русский магический реализм

В.Ю. Даренский
Опыт духовного преображения в поэзии Е.А. Боратынского
271

В.Ю. Даренский
Медитативная лирика Афанасия Фета в восприятии разных эпох
284

Б.А. Прокудин
«Бесы»: консерватизм Достоевского и мышление «на краях»
294

С.В. Парамонова
«Тайна обновления для всех»: духовно-политические образы
в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»
308

В.Ю. Даренский
Поэтический традиционализм И.А. Бунина: метафизический аспект
321

А.Л. Казин
Русское и советское
К вопросу о русской классике и советском модерне
330

Н.Н. Ростова
Метафизический ландшафт Сибири.
К юбилею писателя Анатолия Омельчука
361

Рецензии

Классное чтение

Б.Ю. Александров, О.Е. Пучнина
«Россия, Русь! Храни себя, храни!..»
Размышления над книгой «Очерки истории русского хранительства»
367

Г.В. Аксенова, А.А. Комаров
«Русское хранительство» как отечественное понимание
консервативной традиции
371

15. Рудакова С.В. Мотив смерти в поэтическом мире Е.А. Боратынского // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 91–95.
16. Рудакова С.В. Трагедия человека в «Недоноске» Е.А. Боратынского // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. Вып. 4. С. 9–16.
17. Шпенглер О. Философия лирики / О. Шпенглер // Пессимизм? М.: Крафт, 2003. С. 115–126.

Аннотация. В статье анализируется мотив духовного преображения («второго рождения», инициации) как «сквозной» в поэзии Е.А. Боратынского. В рамках этого мотива интерпретируется стихотворение «Недоносок» и ряд других, воплощающих данный мотив в его различных образно-тематических вариациях. Показана архетипическая природа духовного преображения и его значимость для экзистенциального восприятия поэзии. Этот мотив включен в литературный контекст эпохи и понимания природы поэзии как слова, преображающего душу и бытие человека.

Ключевые слова: Е.А. Боратынский, инициация, «Недоносок», преображение, небо, душа.

Vitaliy Yu. Darenskiy, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

The Experience of Spiritual Transformation in E.A. Boratynsky Poetry

Abstract. The article analyzes the motive for spiritual transformation (“second birth”, initiation) as the “cross-cutting” topic in the poetry of E. A. Boratynsky. Within the framework of this motive, the author analyzes the poem “Nedonosok” and a number of others, embodying this motive in its various figurative and thematic variations. He shows the archetypal nature of this motive and its significance for the existential perception of poetry. This motive is included in the literary context of the era, as well as in the context of understanding the nature of poetry as the word that transforms the soul and existence of a person.

Keywords: E.A. Boratynsky, Initiation, “Nedonosok”, Transformation, Heaven, Soul.

Медитативная лирика Афанасия Фета в восприятии разных эпох

Медитативная лирика обычно определяется как жанрово-тематическая разновидность поэзии, родственная философской лирике, но не сливающаяся с ней. В отличие от последней, стихотворения, относящиеся к медитативной лирике, строятся как непосредственные созерцания, индивидуализированные «умозрения», связанные с постижением сокровенных законов и тайн бытия. В качестве предшественника этого жанра называют стихотворные медитации испанского мистика XVI века Хуана де ла Круса. В качестве жанра светской поэзии первыми образцами медитативной лирики считается произведение английского поэта Э. Юнга «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1742–1745), а также «Элегия, написанная на сельском кладбище» (1751) Т. Грея. В России этот жанр появился в 1800–1810-х, когда элегия «вытесняет» оду именно благодаря своей большей субъективной углубленности, то есть медитативности. Первыми образцами этого жанра стали «Вечер» (1806) и «Славянка» (1815) В.А. Жуковского, «Моя молитва» (1826) Д.В. Веневитинова, «Мечта» (1804) К.Н. Батюшкова, «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) и «Когда порой воспоминашь...» (1830) А.С. Пушкина, «Запустение» (1834) Е.А. Баратынского, «Выхожу один я на дорогу...» (1841) М.Ю. Лермонтова и «На стоге сена ночью южной...» (1857) А.А. Фета. В XX веке этот жанр получил очень широкое распространение среди поэтов, и одной из его «вершин» считаются «Дуинские элегии» (1923) Р.М. Рильке.

Целью данной статьи является анализ жанра медитативной лирики у А.А. Фета как специфического явления русского художественного мышления и его отражения в сознании читателей разных эпох. Первый аспект связан с тем, что А.А. Фет, возможно, даже в еще большей степени, чем Ф.И. Тютчев и Е.А. Боратынский, выразил особый строй русской лирической медитации; второй аспект показывает динамику русского художественного сознания разных эпох.

В творчестве Фета есть несколько десятков стихотворений, которые в той или иной степени следует отнести к жанру медитативной лирики. Кроме того, поэт ярко выразил само состояние души, которое возникает у поэта при написании таких стихотворений. Например, в сборнике «Вечерние огни» в стихотворении от 17 мая 1886 года он говорит о своем переживании:

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон.

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

А.А. Фет также и теоретически обосновал особый высокий статус поэта в познании тайн Мироздания, который обуславливает само возникновение и развитие жанра медитативной лирики. В статье «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» (1867) он писал: «Человеку-художнику дано всецело овладевать самой сокровенной сущностью предметов, их трепетной гармонией, их поющей правдой... Слова: *поэзия язык богов* – не пустая гипербола, а выражают ясное понимание сущности дела... гении глубокого ясновидения подступали к истине не со стороны науки, не со стороны анализа, а со стороны красоты, со стороны гармонии. Гармония также истина» [23, с. 281]. Жанр медитативной лирики в наибольшей степени отвечал особенностям поэтического гения А.А. Фета и вместе с тем именно он часто становился «камнем преткновения» для многих его читателей – как современников, так и в более поздние эпохи. Рецепция и оценка творчества Фета в различные эпохи – в том его аспекте, который касается жанра медитативной лирики, весьма поучительна в том отношении, что она позволяет проследить эволюцию восприятия поэзии: от тяготения читателя к сюжетности и чистому лиризму – до жажды рефлексии в поэзии, от которой в большей степени начинают ожидать глубины мысли и проникновения в тайны жизни.

Традиционная тема медитативной лирики – размышления о смерти – в полной мере присутствует и у А.А. Фета. В 1857 году еще молодой поэт уже обращался к смерти, мудро усматривая в ней венец земного бытия:

Кто дышит с равным напряженьем, –
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

Более зрелое обращение к смерти в стихотворении 1884 года имеет более личностный характер диалога, что сближает его с одним из жанров литературы Средневековья, где также обыгрывались такие диалоги:

Пусть головы моей рука твоя коснется,
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу – ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

Впрочем, классификация тематики стихотворений жанра медитативной лирики в творчестве Фета могла бы составить предмет отдельного исследования. Здесь стоит обратить внимание на упомянутое стихотворение «На стоге сена ночью южной...» (1857), которое обычно считается наиболее образцовым для этого жанра. Известна оценка стихотворения Фета как гениального, данная П.И. Чайковским в письме от 21 сентября 1888 года к другому поэту – великому князю Константину Константиновичу Романову («Не правда ли Ваше Высочество, что стихотворение гениальное?») с комментарием, что это одно из стихотворений поэта, которые он ставит «наравне с самым высшим, что только есть высокого в искусстве» [24, с. 27]. На примере этого стихотворения можно кратко определить поэтику жанра медитативной лирики у А.А. Фета.

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

Поэт находится здесь в хронотопе первого дня творения: лежа «лицом ко тверди» он находится в положении творца Вселенной – так вспоминается богоподобие человека, утраченное в результате первородного греха. Сам поэт сравнивает себя с Адамом, «первым жителем рая», но не в райском положении, а во тьме («в лицо увидел ночь»). Тем самым, душа поэта прозревает и свое изначальное совершенство, и свою падшесть в смертное бытие. Поэтому ей остается одно – находиться на границе двух миров – временного и вечного – и «невозвратно тонуть» в глубине Вечности. Таков идеальный хронотоп жанра медитативной лирики в целом, данный у А.А. Фета с классической четкостью. Своего рода логическим завершением этого стихотворения является строфа из стихотворения «Как нежишь ты, серебряная ночь...» (1865):

Мой дух, о ночь! как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной,
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

Эта строфа близка по своим образам некоторым стихотворениям Ф.И. Тютчева, что обусловлено общей парадигмой «поэзии мысли» этой эпохи.

Первые реакции критиков на поэзию Фета были связаны с общей оценкой ее значимости и своеобразия. Так, один из первых откликнувшихся, В.П. Боткин, в статье «Стихотворения А.А. Фета» (1857) писал: «Для огромного большинства читателей талант г. Фета далеко не имеет того значения, каким пользуется он между литераторами. Ценители таланта его состоят, можно сказать, из немногих любителей поэзии, положение которых в этом случае тем более затруднительно, что вообще поэтическое достоинство писателя невозможно доказывать очевидными доводами... но тем не менее мы считаем г. Фета не только истинным поэтическим талантом, но явлением редким в наше время, ибо истинный поэтический талант... Со времени Пушкина и Лермонтова мы не знаем между русскими стихотворцами таланта более поэтического, как талант г. Фета. Скажем более, по лиризму чувства его можно поставить наряду с первоклассными поэтами. Говорим “только по лиризму чувства”, а не по чему другому. Лиризм чувства, будучи необходимым условием всякого истинного таланта, далеко еще не может заменить собою всех других условий,

требуемых от настоящего, совершенного поэта. Натура Пушкина, например, была в высшей степени многосторонняя, глубоко разработанная нравственными вопросами жизни. Это была не только в высшей степени созерцательная, но и в высшей степени мыслящая натура, которая имела дар не только поэтически уловлять внутренние явления глубокой души своей, но и вдумываться в них. В этом отношении г. Фет кажется перед ним наивным ребенком» [5, с. 302, 303].

Как видим, автор, ставя А.А. Фета по уровню поэтического таланта в один ряд с Пушкиным и Лермонтовым, вместе с тем совершенно не видит всей глубины его философской лирики: Фет кажется ему «наивным ребенком». Почему так происходит? Очевидно, читатель не воспринимает сам жанр медитации, поскольку в нем не высказываются прямо некие философские сентенции, но передается состояние, которое читатель, вслед за поэтом должен пережить самостоятельно. А если этого не происходит, то имеем такое мнение.

Еще более критичен к А.А. Фету М.Е. Салтыков-Щедрин, который писал об эмоциональном строе поэзии Фета так: «Это мир неопределенных мечтаний и неясных ощущений, мир, в котором нет прямого и страстного чувства... нет ясной и положительно сформулированной мысли, а есть робкий, довольно темный намек на нее, нет живых и вполне определившихся образов, а есть порою привлекательные, но почти всегда бледноватые очертания их. Мысль и чувство являются мгновенною вспышкой, каким-то своенравным капризом... Слабое присутствие сознания составляет отличительный признак этого полудетского мирозерцания» [20, с. 139]. Действительно, если читатель не переживает вместе с поэтом его медитативную «вспышку», то он просто не увидит в стихотворении «присутствие сознания». Но в этом вина не поэта, а читателя, который не имеет достаточной глубины восприятия текста. Вместе с тем, упоминание «детскости» А.А. Фета весьма показательное: оно означает, что читатель видит непосредственность опыта медитации, передаваемого поэтом, но не может понять суть этого опыта, видя только его внешнюю форму.

Но в это же время А.В. Дружинин в яркой статье «Стихотворения А.А. Фета» (1856) уже приблизился к пониманию специфики жанра поэтической медитации у Фета. Он писал: «для угадывания тончайших отношений души человеческой к окружающему ее миру, для подсматривания химической связи (просим прощения за метафору) между всем существом нашим и чудесами видимой природы – мы не знаем поэта щедрее одаренного... Под стихотворением, которым начинается книжка (“О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной”), имя Пушкина не возбудило бы никакого удивления в читателе; мастерской, неслыханно прелестный антологический очерк “Диана” сделал бы честь перу самого Гете в блистательнейший период для германского олимпийца. Подобной высокой, безграничной, волшебной, изумительной поэзии надо поискать и поискать во всех европейских литературах» [10, с. 148]. Предложенные критиком яркие определения – «тончайших отношений души человеческой к окружающему ее миру, для подсматривания химической связи (просим прощения за метафору) между всем существом нашим и чудесами видимой природы» – очень удачно характеризуют медитативную лирику.

Русский философ-классик Владимир Соловьев в статье «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» (1890) рецензировал последние прижизненные сборники А.А. Фета «Вечерние огни» (четыре выпуска, 1883–1891). Он определил общее содержание поэтического мировоззрения Фета следующим образом: «Истинный смысл вселенной – индивидуальное воплощение мировой жизни, живое равновесие между единичным и общим, или присутствие всего в одном, – этот смысл, находящий себе самое сосредоточенное выражение для внутреннего чувства в половой любви, он же для созерцания является как красота природы. В чувстве любви, упраздняющем мой эгоизм,

я наиболее интенсивным образом внутри себя ощущаю ту самую Божью силу, которая вне меня экстенсивно проявляется в создании природной красоты, упраздняющей материальный хаос, который есть в основе своей тот же самый эгоизм, действующий и во мне. Внутреннее тождество этих двух проявлений мирового смысла наглядно открывается нам в тех стихотворениях, где поэтический образ природы сливается с любовным мотивом. У Фета особенно много таких стихотворений, и они едва ли не лучшие в его прежнем сборнике. Есть прекрасные образчики этого рода и в «Вечерних огнях» [21, с. 418]. По-видимому, эта формулировка остается наиболее точным рациональным определением «философии» А.А. Фета.

Настоящее признание Фет получил в эпоху символизма (хотя в наибольшей степени его влияние испытал противник символистов И.А. Бунин). Так, В. Брюсов в 1895 году писал, что Фет произвел на него такое сильное впечатление, что он смотрел на Фета как на божество, знал наизусть обе части стихотворения издания 1863 года [11]. Позднее в статье «А.А. Фет. Искусство или жизнь» он так определил особенности его поэтического сознания: «Фет не считал нас замкнутыми безнадежно в мире явлений, в этой “голубой тюрьме”, как сказал он однажды. Он верил, что для нас есть выходы на волю, есть просветы, сквозь которые мы можем заглянуть “в то сокровенное горнило, где первообразы кипят”. Такие просветы находил он в экстазе, в сверхчувственной интуиции, во вдохновении. Он сам говорит о мгновениях, когда “как-то странно прозревает”» [6, с. 211]. Очевидно, Брюсов в своей характеристике максимально акцентирует у Фета именно те черты, которые роднят его с поэзией символистов. Но эта характеристика как раз выделяет то, что относится к «методу» поэтической медитации как пути познания сокровенного мира.

Заслуживает внимания и работа малоизвестного ныне критика начала XX века Всеволода Чешихина «Шеншин (Фет)» (1911) из Словаря Брокгауза и Ефрона, в которой автор дает следующую характеристику: «В области этого рода лирики Фет стоит наравне с Тютчевым, этим русским пантеистом или, точнее, панпсихистом, одухотворяющим природу. Заметно ниже Тютчева Фет в своих лирических стихотворениях, посвященных философским созерцаниям; но искренно религиозный поэт, писавший свои воспоминания с целью проследить в своей жизни “перст Божий”, в “Вечерних огнях” дал несколько прекрасных образцов отвлеченной философски-религиозной лирики. Таковы стихотворения “На корабле” (1857), “Кому венец: богине ль красоты” (1865), “Не тем Господь могуч, непостижим” (1879), “Когда Божественный бежал людских речей” (1883), “Я потрясен, когда кругом” (1885) и т.д. Характерно для поэтики Фета следующее различие между ним и Лермонтовым: в стихотворении “На воздушном океане” (в “Демоне”) Лермонтов воспевает байроническое бесстрастие небесных светил, в стихотворении “Молятся звезды” (в “Вечерних огнях”) Фет воспевает кроткое и христиански-религиозное сострадание звезд к людям (“Слезы в алмазном трепещут их взоре, – все же безмолвно горят их молитвы”); у Лермонтова есть мировая скорбь, у Фета – лишь мировая любовь» [25]. Здесь весьма спорно мнение о том, что А.А. Фет в лирических стихотворениях, посвященных философским созерцаниям, якобы «заметно ниже Тютчева». Такое мнение во многом является пережитком критики XIX века, когда философию искали только в прямых сентенциях, а не в живом медитативном опыте, который требует сотворчества читателя.

В XX веке поэзию А.А. Фета продолжали сблизить с мировоззрением собственной эпохи. Так, известный критик Ю.И. Айхенвальд в статье «Фет» трактовал его как индивидуалиста: «Одинокое, затерянное в огромном, среди космического индивидуальное – это самое существенное, потому что мир – только окрестности, потому что в центре всегда нахожусь я» [1]. Другая яркая тенденция этой эпохи – поиск вечного и непреходящего, хранителем которого становится искусство. Эту тенденцию применительно к А.А. Фету ярко сформулировал литературовед Н.В. Неудоброво в статье «Времеборец (Фет)», в которой

он писал: «Торжество искусства над временем звучит во всяком Фетовом гимне искусству таким восторгом и таким самозабвением, что соответствующие стихотворения Фета надо признать образцовыми выражениями мотива времеборства во всей всемирной литературе» [17, с. 207].

В советской литературе первое «знаковое» высказывание о А.А. Фете принадлежит С.Я. Маршаку, который в своих заметках о природе поэзии замечает: «...природа у него – точно в первый день творения: кущи дерев, светлая лента реки, соловьиный покой, журчащий сладко ключ» [16, с. 158]. Характерно, что эта мысль стала классической и продолжает в настоящее время воспроизводиться даже в учебниках. Например, в одном из новейших изданий под редакцией А.Н. Архангельского: «Лирический герой и впрямь уподобился Адаму, которого только что сотворил Господь. И потому он видит Вселенную впервые, смотрит на нее свежим, изумленным взглядом, <...> каждый поэт смотрит на жизнь так, будто до него никто ее видеть не мог» [2, с. 380].

Наиболее известным исследователем творчества А.А. Фета в советский период был Б.Я. Бухштаб. В его биографической монографии «Фет. Очерк жизни и творчества» дана следующая характеристика поэтической философии А.А. Фета: «Для поэзии Фета характерно стремление передать не столько те душевные явления, которые оформились, кристаллизовались в сознании, сколько неясные, иррациональные душевные движения. По романтической эстетике Фета именно те состояния наиболее близки поэзии, которые наиболее далеки от рассудочной стороны человеческой души» [8, с. 88]. Однако, продолжает автор, «мажорный тон поэзии Фета, преобладающее в ней радостное чувство и тема наслаждения жизнью вовсе не свидетельствуют об оптимистическом мировоззрении. За “прекраснодушной” поэзией стоит глубоко пессимистическое мировоззрение. Недаром Фет так увлекался пессимистичнейшей философией Шопенгауэра. Жизнь печальна, искусство радостно — такова обычная мысль Фета. Он оценивает жизнь как торжище инстинктов и страстей, ведущих все живое к постоянному страданию, с редкими проблесками кратких наслаждений. Не веря в прогресс, в совершенствование человека и жизни, Фет, вслед за Шопенгауэром, видит выход из мира страдания и печали только в погружении в мир красоты» [8, с. 89]. Как видим, Б.Я. Бухштаб дает достаточно традиционную характеристику мировоззрения А.А. Фета, однако, что более важно, отдельно характеризует его метод поэтического мышления: «стремление передать не столько те душевные явления, которые оформились, кристаллизовались в сознании, сколько неясные, иррациональные душевные движения». Собственно, это является определением именно поэтической медитации, характерной для многих его стихотворений.

Другой авторитетный исследователь советской эпохи Д. Благой в своей книге «Мир как красота. О “Вечерних огнях” А. Фета» дает следующую характеристику стихотворению «Угасшим звездам» (1890), написанному всего за год с небольшим до смерти поэта:

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чують, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха;
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд буду призраком вдоха.

Как пишет Д. Благой, «это небольшое стихотворение по праву может быть причислено к величайшим образцам философской поэзии»; «одаряя бессмертием в своих стихах

все, что ни породит в нем творческий отзвук – аромат розы, золото осеннего листа, свет любимых глаз, – поэт-лирик “торжествует” в них и свое собственное бессмертие» [4, с. 94]. Такое определение, казалось бы, не вносит ничего нового в характеристику жанра медитативной лирики. Вместе с тем, оно акцентирует один важный компонент состояния «медитации» у поэта – это переживание «актуального бессмертия» как необходимого признака медитативного состояния сознания.

«Философичности» поэзии А.А. Фета уделила особое внимание Л.М. Лотман в своем очерке о нем в третьем томе «Истории русской литературы» (1980). Она отмечала: «Философская концепционная мысль определяет самую структуру стихотворений, вошедших в эти сборники, составляет их содержание. Теперь низкой действительности и жизненной борьбе поэт противопоставляет не искусство и единение с природой, а разум и познание. Именно ум, чистое познание, мысль поднимают, как утверждает Фет в эти годы, человека над толпой, дают ему власть над миром и полную внутреннюю свободу» [15, с. 439]. Такая характеристика нам представляется весьма ценной, поскольку она противостоит обычному представлению о А.А. Фете как «чистом лирике», для которого не свойственны рефлексия и глубокие мировоззренческие вопросы. Именно эта характеристика наиболее адекватна жанру лирической медитации.

Кроме того, Л.М. Лотман опубликовала отдельный разбор стихотворения «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...», главное содержание которого она определяет следующим образом: «Стихотворение рассказывает о необоримой власти прошлого, о заветном часе или мгновении, которые превращают всю прожитую до того жизнь в свою предысторию и подчиняют себе человека на все последующие годы» [14, с. 191]. Автор также употребляет здесь термин «медитация» для обозначения основного содержания стихотворения. Акцент на категории «мгновения» в поэтическом мире А.А. Фета также коррелирует с особенностью жанра медитативной лирики как «остановленного мгновения».

Интересные формулировки специфики «философского» жанра лирики А.А. Фета, акцентирующий ее медитативный характер, имели место и в предисловиях к сборникам его поэзии, вышедших в 1960–1980-х годах. В известной серии «Сокровища лирической поэзии», в которой издавались только мировые классики, предисловие к томику А.А. Фета написал известный поэт Евгений Винокуров. Здесь он, в частности, заметил: «Фет не понимал мысли, отдельной от стиха. Мысль у него, как соль в воде, растворена полностью в музыке... как бы безумный и даже наивный в частностях, поэт глубоко мудр в целом. Он мудр как-то биологически, органически... Сама органика мира и органика стиха связаны у поэта в единое целое. Поэт бежит рассудочности, – он не размышляет, а мысли рождаются у него сами по себе, возникают неожиданно и ослепительно» [9, с. 13]. Эта характеристика, данная Евгением Винокуровым, является очень хорошим определением медитации как таковой, не обязательно поэтической. Автор знаменитых строк про «Серёжку с Малой Бронной / И Витьку с Маховой» и сам оказался незаурядным мыслителем.

Б.Я. Бухштабу принадлежит предисловие к книге А.А. Фета в большой серии «Библиотеки» поэта, вышедшей в 1986 году. Здесь он акцентировал те черты его лирики, в которых выражена другая присущая медитации черта – ее «апофатичность», внутренняя смысловая открытость и недоопределенность, обращающаяся в молчание. Он, в частности, отмечал: «Фет часто подчеркивает бессознательность описываемых состояний... Эти “не помню”, “не знаю”, “не пойму” постоянны в вершине лирического движения, на которой обычно заканчивается стихотворение... “Где-то что-то веет, млеет”, – пародировал Фета Тургенев... Постоянна у Фета тема немой речи, раскрытия чувства вне слов: во взгляде, в движении, на языке любви, цветов, ночных лучей. К этой “немой речи”, раскрывающей душевные состояния, которые обычное, прозаическое слово выразить не в силах, приближается речь поэта» [7, с. 32–33].

Интересной является и статья А. Тархова в издании 1985 года, в которой автор акцентировал экзистенциальный аспект стихотворения как «духовного усилия», что также является важным признаком медитативного содержания поэтической речи. Автор пишет: «Порой такое стихотворение заключено всего в нескольких строках, но по властной силе его воздействия на нашу душу можно догадаться о громадной духовной энергии, затраченной на него поэтом. Однажды Фет написал о процессе создания лирического произведения как о “напряженном акте”, в котором “сосредоточены все усилия духа – все, можно сказать, видимые и невидимые средства» [22, с. 11]. Стоит отметить, что данный тезис А.А. Фета весьма роднит его с русской философской мыслью, всегда утверждавшей принцип целостности творческих и познавательных сил человека, не делимых без остатка на разум, чувства и волю, на «рациональное» и «иррациональное», но содержащих их в первичном единстве духа.

К концу советского периода в сознании как поэтов и критиков, так и читателей А.А. Фет стал достаточно четко ассоциироваться не только с «чистым» лириком, но и с поэтом-мыслителем, наряду с Ф.И. Тютчевым. Так, например, в книге 1989 года Е.В. Ермилова пишет: «Характерно, что в последнее время с общим возросшим интересом к поэзии Фета в работах о нем подчеркивается прежде всего именно эта сторона его поэзии: “ясный и мужественный взгляд на мир”, “точность наблюдений, реалистичность воспроизведения духовного мира человека”, “трагическая доминанта” его творчества, преобразование трагедии, страдания – в красоту и радость, “в жажду бытия”. Именно так воспринимается сегодня творчество Фета» [12, с. 293].

Эта тенденция восприятия поэзии А.А. Фета усилилась и позже, вплоть до современной эпохи. Например, в своей статье 1999 года известная поэтесса Татьяна Бек отмечала «Доминанты “Вечерних огней”, намеченные уже и в раннем творчестве Фета, – это восторг бытия, противостоящий его ужасу: сознание бессилия слов, преодолеваемое музыкой молчания; величие природы, отражающей во всем богатстве мир человеческой души, ее “бездны”» [3]. Стоит отметить, что буквально такие же характеристики обычно получала поэзия Ф.И. Тютчева, но теперь А.А. Фет был также признан поэтом-метафизиком.

Весьма характерно уже само название статьи А. Карпенко «Космогонии Афанасия Фета» в журнале «Поэтоград» (2013), в которой он пишет: «Фет... космический философ, предтеча мистических откровений Даниила Андреева... удивительный философ-мистик» [13]. В 2017 сайт «Литература» провел опрос среди известных критиков и поэтов к 125-летию со дня смерти А.А. Фета. «Патриарх» отечественной критики и литературоведения И.Б. Роднянская здесь призналась: «Я непозволительно поздно прониклась чувством, что Афанасий Фет – величайший русский лирик» [19]. Такую же восторженную оценку Фету дал и известный поэт Александр Кушнер; однако в то же время, известный критик «постмодернистского» направления Илья Фаликов высказался о Фете весьма пренебрежительно, не считая его актуальным поэтом. Эта ситуация является весьма показательной: чем ближе автор к классическим традициям, тем выше он ценит поэзию Фета; чем дальше от них и гонится за «современностью» – тем непонятнее для него А.А. Фет.

Наконец, стоит упомянуть и о многочисленных исследованиях поэзии Фета в современном академическом литературоведении. Не имея здесь возможности делать их обзор, выделим лишь непосредственно касающийся нашей темы анализ Т.В. Обласовой гипертекста стихотворения А.А. Фета «На стоге сена ночью южной...». Автор удачно формулирует сущность поэтической медитации, столь ярко представленной в этом стихотворении: «Стихотворение А.А. Фета “На стоге сена...” в обозначенном нами гипертексте занимает особое место как дающее первое подробное описание состояния человека в момент трансцендентного выхода, как описание очевидно краткого, но эмоционально насыщенного процесса отрыва от земли навстречу звездной бездне. Оно собственно и

“доказывает” возможность этого пути в пределах поэтического пространства» [18, с. 116]. В свою очередь, ее анализ «гипертекста» показал большую «пронизанность» традицией медитативной лирики А.А. Фета всей последующей русской поэзии, ориентированной на классические образцы.

Подводя итог краткому рассмотрению данной темы, следует сделать следующие обобщающие выводы.

1. Медитативная лирика как поэтический жанр непосредственных созерцаний – индивидуализированных «умозрений», связанных с постижением сокровенных законов и тайн бытия, составляет одно из высших достижений А.А. Фета.

2. Понимание специфики этого жанра далеко не сразу сформировалось у читателей, поскольку требовало перестройки восприятия поэтического текста с эмоционального на медитативное, которое требует рефлексии и душевной работы, усиления сотворчества читателя.

3. Эта история «перестройки восприятия» как история рецепции поэзии А.А. Фета в разные эпохи очень показательна для понимания эволюции художественного сознания в России.

4. Медитативная лирика А.А. Фета остается одним из наиболее мощных хранителей классической традиции в русской поэзии, ее «эзотерической» сердцевины, связанной с особой глубиной поэтических прозрений и особым строем поэтического языка, «работающего» на границе слова и молчания, открывающегося и несказанного.

Литература

1. Айхенвальд Ю.И. Фет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dugward.ru/library/fet/aihenv_fet.html
2. Архангельский А.Н. Русский язык и литература: Литература: 10 кл. Углубленный уровень: в 2 ч. Ч. 1: учебник / под ред. А.Н. Архангельского. М.: Дрофа, 2014. 324 с.
3. Бек Татьяна. «Книга стихов» А. Фета [Электронный ресурс] // Литература. 1999. № 1. Режим доступа: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=199900101>
4. Благий Д.Д. Мир как красота. О «Вечерних огнях» А. Фета. М.: Художественная литература, 1975. 112 с.
5. Боткин В.П. Стихотворения А.А. Фета // Критика 50-х гг. XIX века / сост. Л.И. Соболева. М.: АСТ, 2002. С. 282–333.
6. Брюсов В.Я. А.А. Фет. Искусство или жизнь / А.А. Фет // Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии. Далекие и близкие. М.: Художественная литература, 1973. С. 209–217.
7. Бухштаб Б.Я. А.А. Фет // Фет А.А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 5–62.
8. Бухштаб Б.Я. А.А. Фет: Очерк жизни и творчества. Л.: Наука, 1990. 136 с.
9. Винокуров Е. Лирика Афанасия Фета // Фет А.А. Лирика. М.: Художественная литература, 1966. С. 5–15.
10. Дружинин А.В. Стихотворения А.А. Фета / А.В. Дружинин // Прекрасное и вечное. М.: Современник, 1988. С. 142–156.
11. Дубровская К.А. Творчество Афанасия Фета в оценке русской критики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://a-fet.ru/referats/tvorchestvo-v-kritike.html>
12. Ермилова Е.В. Некрасов и Фет. М.: Наука, 1989. 289 с.
13. Карпенко А. Космогонии Афанасия Фета [Электронный ресурс] // Поэтоград. 2013. № 9 (60). Режим доступа: <https://www.poetograd.ru/pomer.php?id=6053>
14. Лотман Л.М. «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» // Поэтический строй русской лирики. Л.: Наука, 1973. С. 189–198.
15. Лотман Л.М. А.А. Фет // История русской литературы: в 4 т. Т. 3. Л.: Наука, 1980. С. 427–445.
16. Маршак С.Я. Зачем пишут стихами? / С.Я. Маршак // Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1960. С. 151–179.
17. Недоброво Н.В. Милый голос: Избранные произведения. Томск: Водолей, 2001. 352 с.
18. Обласова Т.В. Гипертекст стихотворения А.А. Фета «На стоге сена ночью южной...» // Филологический класс. 2018. № 3 (53). С. 111–117.
19. Поэты и критики об Афанасии Фете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litteratura.org/non-fiction/2524-poety-i-kritiki-ob-afanasii-fete.html>
20. Салтыков-Щедрин М.Е. Стихотворения А.А. Фета / М.Е. Салтыков-Щедрин // Литературная критика. М.: Современник, 1982. С. 139–143.